

DOI 10.15826/qr.2017.3.250

УДК 94(100)"1914/19"+94(470)+94(430)+821.112.2-94

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ НЕМЕЦКОГО ОФИЦЕРА
ВИЛЬГЕЛЬМА ВЁЛЬФИНГА**

Николай Баранов

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**WORLD WAR I AND THE RUSSIAN REVOLUTION
IN THE MEMOIRS OF GERMAN OFFICER WILHELM WÖLFING**

Nikolai Baranov

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This is the first publication of the memoirs of W. Wölfing, a German reserve officer and participant in World War I. This unique archival document contains information about his time in captivity in Siberia between 1915 and 1917 and his activity as an official representative of the German High Command in Moscow in 1918. The text of the memoirs is kept in the Federal Military Archive of Germany in Freiburg. It has never been published in Germany or translated into Russian previously. The text has a pronounced anti-Bolshevik tone: equally, its author presents the development of events between 1917 and 1918 as being unsupported by the German government, which makes it possible to consider the position of Wölfing as an alternative to the preservation of the German Empire and the destruction of the Bolshevik regime. The author's biography combines typical and unique features: a certified lawyer; a reservist on the Eastern front during World War I; an uhlan sent on air reconnaissance; and a German officer who led a carefree life in Russian captivity and made an adventurous escape in 1918. After the signing of the Brest Peace Agreement between Germany and Soviet Russia, he headed the Moscow Office of the the German High Command's Foreign Policy Department; in this capacity, he was engaged in propaganda work, promoted emigration, and was an advocate of a military interven-

* *Citation*: Baranov, N. (2017). World War I and the Russian Revolution in the Memoirs of German Officer Wilhelm Wölfing. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

Цитирование: Baranov N. World War I and the Russian Revolution in the Memoirs of German Officer Wilhelm Wölfing // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250 / Баранов Н. Первая мировая война и Русская революция в воспоминаниях немецкого офицера Вильгельма Вельфинга // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 779–804. DOI 10.15826/qr.2017.3.250.

tion in Russia to overthrow the Bolsheviks. His status as a diplomat allowed him to establish broad and diverse contacts. He had contacts among representatives of the Bolshevik leadership, including the Chekists (Radek, Peters), “former people” hostile to the new government (Patriarch Tikhon, Prince Lvov), cultural activists, and many foreigners. The memoirs contain many details of Russian everyday life in the wartime conditions before the Revolution and at the beginning of the post-revolutionary period. They also make it possible to clarify prevailing ideas about the nature of the political processes that took place in 1918, primarily in regards to the extent to which the Bolsheviks influenced the events of the November Revolution in Germany and the possible alternatives to Russian history between 1918 and 1919.

Keywords: World War I; Russia; Germany; revolution; Treaty of Brest.

Впервые публикуется уникальный архивный документ – воспоминания немецкого офицера резерва, участника Первой мировой войны В. Вельфинга о пребывании в русском плену в Сибири в 1915–1917 гг. и деятельности в Москве в качестве официального представителя немецкого верховного командования в 1918 г. Текст воспоминаний хранится в Федеральном военном архиве ФРГ во Фрайбурге. Он никогда ранее не публиковался в Германии и не переводился на русский язык. Текст имеет ярко выраженную антибольшевистскую направленность; его автор представляет не поддержанную германским правительством концепцию развития событий 1917–1918 гг., что позволяет рассматривать позицию Вельфинга как альтернативный вариант сохранения Германской империи и уничтожения большевистского режима. В известной нам биографической информации об авторе сочетаются типичные и уникальные черты: дипломированный юрист; резервист на восточном фронте Первой мировой войны; улан, посланный на авиаразведку; германский офицер, который вел беззаботную жизнь в русском плену, а в 1918 г. совершил авантюрный побег и после подписания Брестского мира между Германией и советской Россией возглавил московское представительство внешнеполитического отдела германского верховного командования, в этом качестве занимался пропагандистской работой, содействовал эмиграции и выступал за военную интервенцию в Россию для свержения большевиков. Статус дипломата позволил ему установить широкие и разнообразные контакты. В круг его общения входили представители большевистского руководства, включая чекистов (Радек, Петерс), враждебных новой власти «бывших» (патриарх Тихон, князь Львов), деятелей культуры, многих иностранцев. Воспоминания содержат множество подробностей повседневной жизни в России в условиях войны до революции и в первый послереволюционный период. Они также позволяют уточнить сложившиеся представления о характере политических процессов, происходивших в 1918 г., прежде всего о степени влияния большевиков на события ноябрьской революции в Германии и о возможных альтернативах российской истории в 1918–1919 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Германия; революция; Брестский мир.

Эпохальные события 1914–1918 гг. не только явились зримым рубежом между «долгим XIX» и «коротким XX» веком. Они имели собственную напряженную динамику, обусловленную небывалыми переменами во всех сферах жизни народов, связанных с формированием массового общества и явлением на авансцену истории «человека толпы». Первая мировая война привела к разрушению четырех мировых империй и способствовала подъему глобальной революционной волны. Наиболее значительной по масштабу и последствиям, многие из которых ощущаются до сих пор, стала русская революция. Ее главными результатами стали гибель империи, Гражданская война и затянувшаяся на 70 лет попытка создания советского общественного строя. Очевидно, что историческое значение событий 1917 г. и последующих лет в России надолго останется предметом не только академического интереса, но и острых общественно-политических дискуссий. Разыскание и введение в оборот новых исторических источников, способствующих уточнению наших представлений о событиях той поры, остается остроактуальной задачей.

Значительный интерес для этой темы представляют суждения иностранца – современника, очевидца и в известной степени активного участника событий, пусть и написанные по памяти более 30 лет спустя. К тому же немца – представителя страны, которая, будучи главным противником России на полях сражений Первой мировой войны, в известной степени разделила ее судьбу – пережила революцию, свержение монархии, потерпела поражение в войне, оказалась на грани гражданской войны. При этом в отношении России автор, в значительной степени свободный от воздействия накала идеологических, политических и социальных страстей, сопровождавших противоборство «белых» и «красных», все-таки демонстрирует взгляд извне на ситуацию, которую наблюдал изнутри.

О самом авторе известно очень немного. Вильгельм Вельфинг (18 сентября 1883 г. Берлин – 17 октября 1972 г., Берлин, 89 лет) – сын евангелического военного священника прусской армии Макса Вельфинга. Учился на юридическом факультете Геттингенского университета. В 1903 г., стал членом студенческой корпорации «Вандалия». Корпорантами были также его отец (корпорация «Ганновер») и дед (корпорации «Франкония Йена», «Лузатия Лейпциг»). Еще несколько семестров Вильгельм учился в Берлинском университете имени Фридриха-Вильгельма и сдал там первый государственный экзамен по юриспруденции.

Стажировался как юрист во Франкфурте-на-Одере. Там же с четырьмя другими корпорантами из разных университетов создал «Комиссию пяти для исследования влияния пива на немецкие университеты». Дружба пяти любителей пива продолжалась всю жизнь. Во время стажировки частным порядком изучал русский язык. В 1911 г. был назначен прусским правительственным ассессором в небольшой город Штайнфурт вблизи Мюнстера.

Принимал участие в Первой мировой войне сначала в звании лейтенанта, впоследствии – ротмистра резерва западнопрусского уланского полка № 1 имени российского императора Александра III (который был шефом полка с 1864 по 1894 г.). В 1915 г. во время разведывательного полета на невооруженном самолете-разведчике «этрих таубе» совершил вынужденную посадку за русской линией фронта и попал в плен. Награжден двумя «железными крестами».

В 1921 г. женился на Этель Паркинсен, проживавшей в Берлине англичанке из Лондона. Вместе с ней и ее рано овдовевшей сестрой начал ходить под парусом по озеру Ванзее. Приобрел 20-метровую яхту (кеч), которую назвал в честь жены «Этси IV». На ней совершил многочисленные дальние путешествия, в том числе в Норвегию. В 1929 г. в составе команды из 11 человек принял участие в регате Плимут – Сантандер. В трансатлантической гонке Бермудские острова – Куксхафен, посвященной берлинской летней Олимпиаде 1936 г., «Этси IV» была самой старой из девяти участвовавших яхт.

Во время Второй мировой войны с 1942 по 1945 г. служил в звании майора люфтваффе в отделе вооружений в Берлине. После войны проживал в Западном Берлине [Burchard-Motz].

Что именно в октябре 1955 г. для 72-летнего Вельфинга стало побудительным мотивом к написанию коротких (23 страницы) воспоминаний о его пребывании в России в 1915–1918 гг., не вполне ясно. Возможно, признаки хрущевской «оттепели» вообще и в отношениях с Западной Германией в частности (сентябрьский визит канцлера Аденауэра в Москву, установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ, возвращение на родину почти 40 тысяч последних немецких военнопленных). Машинописный текст воспоминаний хранится в военном архиве, филиале Федерального архива во Фрайбурге (фонд РН 3 «Большой генеральный штаб прусской армии / Верховное командование германских вооруженных сил», дело 51 «Собрание Первая мировая война – Восток 1916/1918») и доступен для использования в виде микрофильма. Обстоятельства, при которых документ попал в архив, неизвестны. Единственное упоминание о Вельфинге и его воспоминаниях удалось обнаружить только в подстрочнике докторской диссертации современного немецкого историка Максимилиана Терхалле [Terhalle, 2006, S. 33; Terhalle, 2009, S. 43].

Язык источника грамотный, стиль простой и ясный, с незначительной долей просторечных оборотов, особых трудностей при переводе не было. Названия населенных пунктов, особенно тех, что возникли и существовали на стыке славянского, германского и балтийского миров, даются в авторской редакции.

Содержание источника за внешней простотой изложения на самом деле довольно сложно. Воспоминания исторического персонажа «второго плана» содержат такие детали, которые не видны с высот господствующего положения первых лиц уровня императора Вильгельма II или фельдмаршала Людендорфа. Автору нет необ-

ходимости в оправдании или жестком следовании официальным политическим установкам, в то же время текст не свободен от искажений, местами – от преувеличения автором собственной роли и значения. Главная мысль сводится к тому, что Вельфинг, будучи в советской столице, настаивал на использовании военной силы для свержения большевиков. По его мнению, это в 1918 г. не представляло особого труда. Однако политическое и военное руководство Германии не прислушалось к его рекомендациям, не в последнюю очередь из-за ведомственной конкуренции. В тексте сквозит пренебрежительное отношение к дипломатам – представителям германского МИДа, характерное для прусского военного сословия. В целом при характеристике событий в России преобладает спокойный тон с оттенком иронии, в воспоминаниях отчетливо просматривается искренняя симпатия автора к простым людям и стране. При этом отметим, как разительно отличается почти идиллическая картина жизни в офицерском лагере для военнопленных от описания событий 1918 г.

Перевод на русский язык предпринят впервые. Источник публикуется впервые.

Москва 1918

Советское государство было рождено в октябре 1917 года при деятельном содействии Германии, которая отправила «отца ребенка» Ленина в plombированном вагоне через Швецию в Петроград. После того как Ленин выполнил предназначавшуюся ему задачу окончания войны на Востоке, с ним в марте 1918 года был заключен мир в Брест-Литовске. Для обеих сторон это был весьма сомнительный государственный договор. Чтобы вообще сохранить жизнь своему бессильному в военном отношении новому государству, Ленин признал отодвинутые очень далеко на восток границы с потерей Польши, Прибалтики и Украины. Германия, в свою очередь, признала новое государство, которое было носителем коммунистической идеи, установила с ним дипломатические отношения и тем самым ввела в международное сообщество.

Молодое российское государство было поначалу хилым младенцем, жизнь которого многие годы висела на волоске. Однако впоследствии в течение жизни одного поколения оно неожиданно мощно развилось и превратилось в гиганта, оказывавшего существенное влияние на судьбу Европы. Тем не менее, в кризисные годы, с 1918-го по 1921-й, как Германия, так и Антанта всерьез разрабатывали план по свержению коммунистического режима в Москве. Если бы по отдельности или даже совместно ими были приняты необходимые для реализации этого намерения решения, кто знает, какими путями пошла бы история Европы в случае успеха.

Я попал на войну как офицер резерва в 1914 году и в июне 1915 года, выполняя обязанности наблюдателя авиаотряда, оказался в русском плену. Мы были сбиты у Радома¹ в излучине Вислы довольно далеко за линией фронта в результате прямого попадания в мотор и смогли безопасно приземлиться, после чего самолет сгорел, а мы вдвоем [с пилотом] скрылись в большом лесу. На третью ночь под утро в утренней мгле нас схватили у линии фронта.

Офицеры русского полка приветствовали вензель Александра III на погонах моей уланки² и угостили нас, полуголодных, хорошим завтраком. После бесконечных допросов в высоких штабах я вместе с шестью другими офицерами в июле 1915 года (2) оказался в Ветлуге под Костромой к северу от Москвы, где провел полгода. Здесь нас посетила одна из контролирующих комиссий Красного Креста, и ее симпатичная немецкая участница графиня Икскуль по моей просьбе обещала позаботиться о нашем переводе в большой лагерь³. В результате я оказался в Сибири, где провел один год в Томске и более года в Омске. Мне хочется дать хотя бы короткое описание тех лет, так как оно иллюстрирует резкие различия между тем временем и обстоятельствами Второй мировой войны.

В Омске в 1917 году нас было 900 офицеров, из них 300 немцев, остальные – австрийцы и венгры. Ежемесячно мы получали 50 рублей, то есть 100 марок. Почта, посылки и денежные переводы приходили безукоризненно. На продовольствие хватало около 20 рублей. Мы решали этот вопрос самостоятельно, и я выполнял функции заготовителя в городе, для чего мне была предоставлена свобода передвижений до вечерней поверки. За 25 рублей я купил небольшую лошадь и тележку, которая прибывала в лагерь всегда полностью нагруженной. До начала 1918 года мясо (половина туши бычка), масло и белый хлеб имелись в неограниченных количествах, поскольку большие запасы из богатой центральной Сибири невозможно было перевезти через Урал. Ограниченные транспортные средства в первую очередь должны были доставлять за восемь тысяч километров через всю Сибирь японские боеприпасы и вооружение. Цены были минимальными. Я припоминаю, что кролик стоил 20 копеек (40 пфеннигов). Собственно, нужно было заботиться только об алкоголе. У нас были большие глиняные кувшины, в которых бродил туркестанский изюм, и получалось красное вино. В большом шкафу была сооружена маленькая винокурня. Она дополнялась [полной алкоголя] большой красной железной бочкой из-под горючего, которую я каждый раз тайно контрабандой доставлял в лагерь.

Не были обойдены вниманием также наши духовные и интеллектуальные запросы. Здесь существовала довольно богатая библиотека, составленная из книжных посылок всем 900 обитателям лагеря. В ней были либретто, партитуры любого рода, включая симфонии, театральные постановки и оперетты, в которых юные венгерские фенрихи⁴ отлично исполняли женские роли. Мы хорошо ориентиро-

вались в военном и политическом положении, поскольку в нашем распоряжении имелась преимущественно московская и петроградская пресса. В своем бараке я ежедневно переводил и зачитывал вслух сообщения с фронта и интересные политические статьи. Состояние здоровья также было хорошим. Санитарный уход в лагере обеспечивал собственный врач, кроме того, уже тогда Омск и Томск были крупными городами, так что я, например, помог одному своему товарищу пройти крайне важное для него амбулаторное лечение в городе. За (3) два половиной года моего пребывания в плену мне не известно ни единого случая смерти. Обобщенно можно сказать, что большинство из нас вело беззаботную приятную жизнь. Не так легко было только главам семей, которых мучили мысли об оставшихся на родине семьях. Замечу, это был офицерский лагерь, с рядовыми обходились совершенно по-другому. Лучше всего содержались те, кого после утренней проверки женщины-крестьянки забирали на полевые работы вместо своих призванных на фронт мужчин.

Многие российские немцы из Южной и Западной России в 1915 и 1916 году были «эвакуированы» в Сибирь, так что даже в Омске в 1917 году имелась их маленькая колония, которая совершенно естественно установила с нами отношения. Так что у меня были различные возможности обмениваться мнениями, которые имели для меня особое значение при оценке ситуации в России. Она постепенно становилась более чем интересной. В марте 1917 года дело дошло до первой абсолютно бескровной так называемой «революции Керенского», результатами которой стали отречение царя и образование правительства народного фронта⁵, которое состояло из представителей либеральной буржуазии и тех, кто находился левее. Внешнеполитический курс – борьба на стороне союзников до победного конца. Премьер-министр Керенский энергично старался оживить боевой дух уже очень уставшего от войны народа. Но русский народ после трех лет тяжелых кровавых жертв с нетерпением ожидал мира и стремился связать победу революции со стабилизацией международной обстановки. Это, пожалуй, основная причина того, что уже через полгода в начале ноября 1917 года в ходе второй революции власть смогли взять большевики. Ленин, который 16 апреля прибыл в Петербург через Финляндию, незамедлительно исполнил порученное ему задание вывести Россию из войны. Он выдвинул лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», чтобы прежде всего добиться всеобщего мира. Под этим лозунгом он смог привлечь на свою сторону размещенные в Петербурге полки, с помощью которых сумел взять столицу и вместе с тем управление страной в свои руки.

Что характерно для обеих революций – каждый раз исход дела решался в Петербурге, и вся огромная страна фатально подчинялась этому почти без всякого кровопролития. На этот раз развязка далась ценой ожесточенных боев в городе и была окончательно обеспечена захватом Зимнего дворца. (4) Вместе с тем война для России

если не де-юре, то все же де-факто закончилась, и мне в Омске пришлось время подумать о возвращении домой. В декабре мои приготовления были окончены. Российский немец из окрестностей Динабурга⁶, у которого я покупал дрова для печей в лагере, отдал мне свои личные документы. Другой, по имени Гардер, заработавший много денег на торговле, дал мне 20 тысяч рублей с заданием обменять их в Берлине на марки, и они были зашиты в одежду. Лагерному начальству я обещал прислать из Москвы сообщение о строгости контроля. Затем в начале января 1918 года я отправился в путь, одетый в тяжелый сибирский овчинный тулуп и высокую меховую шапку. Образ русского дополняла острая бородка «а-ля Булганин»⁷. Излишне говорить о высоких валенках, которые носили в холода. Мой багаж помещался в маленьком легком сундучке.

Никакого расписания, разумеется, не было. Кто хотел ехать, отправлялся на станцию и терпеливо ждал там часами или даже полдня, когда придет поезд. Простые русские имели в качестве основы своего пропитания длинный шнур с сушеными кусочками хлеба через плечо, на поясе маленький чайник и в карманах куски прессованного так называемого кирпичного чая. Его можно было заваривать в кипятке, который имелся на железной дороге повсеместно. Этого им было достаточно на день. Это, как и многое другое, я уже изучил в ходе многодневной частной поездки в 1916 году, в которой я очутился следующим образом. Я был тогда в маленьком лагере в Томске вместе с еще примерно 50 немцами. Мы подружились с тремя докторшами из расположенного в лесу маленького лазарета для пленных, куда мы охотно переселялись на некоторое время с действительными или придуманными заболеваниями. Там мне удалось при помощи одной из наших подруг симулировать высокую температуру и таким образом избежать пересылки. Но все же двумя неделями позднее я один под охраной двух степенных пожилых русских ополченцев был послан в Омск. Эта трехдневная поездка, в ходе которой я снова мог убедиться в добродушии русского народного характера, была идиллической. Оба солдата беспокоились обо мне, как хорошие слуги о своем господине. Дело дошло до того, что в общем плацкартном вагоне третьего класса они почли за обязанность освободить для меня место рядом с симпатичной девушкой.

(5) Многодневная поездка из Омска в Москву в январе 1917 года (две тысячи километров до Урала) прошла для меня без происшествий и без какого-либо контроля, о чем я тотчас письмом и телеграфом сообщил на конспиративный адрес в Омске. Ссылаясь на это сообщение, многие обитатели лагеря условились с вышеупомянутым Гардером о получении денег в кредит и точно так же отправились по домам. Гардер, который сам позже смог с семьей добраться до Берлина, получил все эти суммы назад в правильном пересчете на марки.

В Москве я пробыл только один день и затем поехал дальше в Петербург, чтобы оттуда совершить прыжок к свободе. Я поселился в при-

личном пансионе и прожил там неделю безо всяких претензий вплоть до проверки со стороны ночного патруля, который, впрочем, уделил мне и моим заученным словам немного внимания, так как искал только контрреволюционеров. Но даже в худшем случае опасность не была смертельной хотя бы из-за того, что по ходу «общечеловеческого братания» на время была отменена смертная казнь – мероприятие, которое, как известно, позже снова стало использоваться советскими властями во все большем масштабе.

Уже моя первая попытка найти благоприятную возможность для выезда из России имела полный успех. Я отправился в шведское посольство, во время войны представлявшее интересы Германии, где меня самым любезным образом принял лично посол генерал Брендстрем⁸. Известно, что его дочь Эльза на протяжении всей войны самоотверженно посвящала себя уходу за немецкими военнопленными. Я также имел возможность бегло с ней познакомиться во время одного из ее визитов в лагерь. Она вполне заслужила почетное прозвище «сибирский ангел», и радостно отметить, что Стокгольм почтил ее память тем, что один из цветных оконных витражей ратуши был украшен ее портретом. Из разговора с генералом Брендстремом, его сотрудником и третьим доверенным лицом я узнал, что существует безопасно организованный маршрут в Швецию по суше через Хапаранду⁹, который стоит тысячу рублей и требует трех недель пути. Но, с другой стороны, с определенным риском также возможно перейти на немецкую сторону через линию фронта, поскольку в последнее время боевые действия полностью прекращены и, в частности, разведчики беспрепятственно переходят линию фронта во многих местах, особенно когда отмечаются братания. Тогда, поначалу с оговорками, я принял решение идти через фронт, так как мог таким образом быстрее всего достичь Динабурга – следующего пункта по магистральной железной дороге.

(6) Казалось, война действительно уже утратила свой угрожающий масштаб, потому что мне сообщили без каких-либо серьезных опасений адрес одного русского штабного врача в Динабурге, который был поляком и участником работавшего на Германию польского подпольного движения. Тем самым для меня вопрос решился окончательно. Я передал мой багаж вплоть до кое-какого белья шведской миссии с условием, что вещи будут переданы военнопленным, если в течение двух недель от меня ничего не будет слышно. Рукописи, и среди них тетрадь с рисунками, я попросил генерала Брендстрема выслать на адрес моего отца в Берлине, они туда аккуратно дошли.

Когда я вечером задолго до отправления поезда, который уже во второй половине следующего дня должен был прибыть в Динабург, пришел на вокзал, поезд был уже так переполнен, что какое-то количество людей занимало места снаружи, как это было в то время принято повсеместно на железной дороге. С некоторым усилием мне удалось заполучить убогое сидячее место на железной ступеньке

между двумя вагонами, где я провел большую часть ночи, усиленно растирая лодыжки, чтобы уберечь их от обморожения до тех пор, пока ранним утром мне не посчастливилось протиснуться внутрь вагона. В Динабурге, где находилось командование этого участка фронта, все произошло согласно плану. Господин штабной врач в тот же день к полудню пригласил меня к себе, затем я должен был проехать на санях до подходящего участка немецкого фронта. Все оставшееся время я провел в парной бане и ресторане. Многочасовая поездка в санях проходила большей частью в стороне от дорог, не раз возникали молчаливые паузы, если вблизи раздавались голоса, которые, вероятно, доносились от русских постов. Кроме меня и двух возниц, там был еще один человек – агент. Только занялось серое утро, была сделана остановка, мне указали удаленное на сотню метров место, до которого я должен был добраться. Спустя полчаса, размахивая своим носовым платком, я достиг немецкой передовой.

Прием был крайне холодным: меня рассматривали с очевидным недоверием. Было действительно странно, что относительно хорошо и по-русски одетый гражданский в хорошей физической форме пришел через поле пешком со стороны значительно удаленной отсюда русской линии фронта и утверждал, что является немецким пленным офицером. Все же мои рассказы были выслушаны с интересом, кое-как меня разместили и указали мне, (7) что я должен ждать решения вышестоящих инстанций. Но уже на второй день картина полностью изменилась. Я был направлен в командование армии, был гостем начальника генерального штаба полковника фон Кесселя, размещен на ночь на вилле для почетных гостей и уже в считанные дни после этого ехал в поезде в Берлин к родителям.

Содержательный отчет о времени, проведенном мной в военном плену, оказался куда более объемистым, чем я поначалу намеревался. Однако он показал, что я имел хорошую возможность познакомиться со страной и людьми, усовершенствоваться в языке, из русских книг почерпнуть сведения об исторических и экономических основах страны, и прежде всего получать из ежедневной прессы представление о политических событиях и больших переменах последнего времени. Эти обстоятельства способствовали тому, что вскоре после моего возвращения генеральный штаб проявил интерес к дальнейшему использованию меня как военного. Мне были сделаны два предложения: или заняться задачей возвращения военнопленных из Сибири, где находилось их значительное число, или содействовать решению вопроса о военно-политическом положении на востоке. Первая задача была очень заманчивой, поскольку уже тогда было ясно, что из-за хаоса в России эвакуация может быть успешной большей частью только морским путем через дальневосточные порты, в этой связи встал вопрос о моем командировании туда. Но я склонился в пользу второго варианта, поскольку осознавал огромное значение того, как будут дальше выстраиваться отношения Германии с великим русским сосе-

дом. Командировка во Владивосток по моему предложению некоторое время спустя была поручена моему товарищу по бараку в Омске Герберу, который также говорил по-русски.

В марте 1918 года, через несколько недель после моего возвращения, Германия заключила с советской Россией уже упомянутый мной мир в Брест-Литовске и направила в Москву в качестве посла графа Мирбаха¹⁰, в то время как в здание российского посольства на Унтерден-Линден торжественно въехал г-н Иоффе¹¹ со своим штабом. На западе Людендорф¹² готовился к последнему большому наступлению. Я был вначале прикомандирован к учреждению в Берлине, которое носило название военного отдела министерства иностранных дел, но позднее было правильное переименовано в иностранный отдел (8) верховного командования. Оно находилось под началом полковника Гефтена¹³. Его главной задачей было распространение военных и общих пропагандистских материалов за границей в нейтральных странах. Чтобы показать, что ежедневные обсуждения проблем психологической войны в маленьком учреждении были интересными, отмечу, что нашим сотрудником был писатель Бернгард Келлерман¹⁴. Органами нашего учреждения были филиалы в столицах нейтральных стран. Соответственно, уже в мае 1918 года были созданы два таких филиала в Москве и Петербурге. Я, молодой ротмистр резерва, был очень рад, когда по приказу генерального штаба был назначен руководителем филиала в Москве – новом месте пребывания правительства. Таким образом, уже в конце мая я снова оказался там, где в январе пребывал в качестве военнопленного, и до конца года оставался в русской столице, в которой начал по-домашнему обжиться большевизм.

Из обилия событий и моих собственных впечатлений этого судьбоносного для Германии, России и всей Европы лета я представлю пару примечательных сюжетов, произошедших на сцене Москвы, которая после заключения мира на востоке находилась несколько в тени событий и позднее в публицистике, посвященной первому году жизни коммунистического государства, получила недостаточное внимание. Отчасти это объясняется тем, что после отъезда миссий стран Антанты в новом великорусском государстве вряд ли еще оставались другие европейцы, кроме изрядного количества немцев. Ленин в Брест-Литовске поступил, вероятно, мудро, уступив немцам все, чего они требовали, чтобы для начала хотя бы сохранить жизнь своему государству. Поэтому старая российская империя была поделена на три большие части – московское государство, отделившуюся Украину со столицей в Киеве и своим главой государства гетманом Скоропадским, при котором для контроля находился генерал Эйхгорн¹⁵, и к северу – польское и балтийское пространство под контролем [германского] главного командования на Востоке в Ковно во главе с генералом Гофманом¹⁶. Граница находилась всего в 400 километрах от Москвы возле Орши, затем она проходила через Псков на север у Нарвы до Финского залива. Такое положение со-

хранялось до поражения [Германии] на западе. Затем судьба Восточной Европы снова начала стремительно меняться. Однако если заглянуть глубже, уже в драматические месяцы этого лета 1918 года политическое руководство как Антанты, так и Германии интенсивно (9) занималось проблемой европейского восточного пространства. И те, и другие понимали, что условия Брест-Литовска и в зависимости от исхода войны, и сами по себе нужно рассматривать как временные. Поэтому Франция и Англия, собственно, как и Германия, в течение всего года принимали устремившийся за пределы своей страны поток русской буржуазной эмиграции. Обе стороны тогда оказывали существенную материальную и идейную поддержку этим эмигрантам и вместе с ними готовили реставрацию и ликвидацию большевизма. Таким был политический фон моего пребывания в Москве.

Посольство Германии разместились в пустовавшем из-за революции патрицианском доме относительно далеко от центра города в квартале Арбат. Я поселился на маленькой вилле поблизости отсюда, где до меня квартировал французский военный атташе. Она была достаточно большой, чтобы разместить на ней также часть моего персонала, который состоял из двух офицеров, двух гражданских и двух солдат. Посольству я не подчинялся, но бывал там почти каждый день за совместным обедом, за которым постоянно собирался достаточно широкий круг людей, дополнявшийся визитерами из Германии, в основном предпринимателями и журналистами. Когда я появился в конце мая, посольство все еще полностью находилось под впечатлением от покушения, жертвой которого 14 днями ранее прямо в здании посольства пал посол граф Мирбах¹⁷. Оба террориста были левыми социал-революционерами, которых не устраивала внешнеполитическая линия Ленина. Они смогли беспрепятственно покинуть дом после того как расстреляли посла из револьвера. Тогда хозяином дома стал советник посольства Рицлер¹⁸. У меня сложилось впечатление, что он был даже рад, когда несколькими неделями позже покинул посольство в Москве, получив ожидаемое им назначение в Псков. Туда же вместе с ним убыл и военный атташе майор Шуберт¹⁹, в то время как я по моей просьбе остался в Москве. Из гражданских служб здесь осталось только генеральное консульство под руководством г-на Хаушильда²⁰. Однако его деятельность ограничивалась, как правило, в основном рутинной работой. Его сообщения направлялись в МИД, а мои – его военному конкуренту полковнику фон Гефтену, так что мы маршировали разными дорогами. Я припоминаю только одну небольшую совместную акцию. Среди моих трех гражданских служащих был один профессиональный фотограф, при помощи которого я мог получать фотографии, иллюстрировавшие деятельность (10) большевистского режима. Например, это были гигантские транспаранты, вывешенные на московских церквях, с лозунгом «Религия – опиум для народа». Этот человек однажды бесследно исчез, так что я через несколько

дней пришел к убеждению, что он, если еще жив, должно быть, схвачен политической полицией, которая тогда называлась «чрезвычайной комиссией», сокращенно – ЧК. Я уговорил г-на Хаушильда съездить со мной на Лубянку, главную квартиру ЧК, для розыска. Наряду с Дзержинским, вторым ее шефом был латыш Петерс²¹, который нас принял. Он без лишних слов подтвердил, что мой человек находится в их руках, но будет мне снова возвращен. Он вернулся уже на следующий день без каких-либо следов физических увечий. Однако при этом он был настолько напуган, что не рассказывал ничего из того, что с ним произошло. Он был, если так можно выразиться, доведен до крайности и просил только, чтобы его при любых обстоятельствах сразу отправили домой, что я и был вынужден сделать, к добру или к худу.

Суть моей основной работы состояла в распространении пропагандистских материалов, которые в наступательном и оборонительном смысле призывали к борьбе с западными державами или также должны были усилить в глазах русских почтение к германской «культуре», как, например, фильм о работе известного врача-протезиста Зауэрбруха²². Малоизвестно, что мы тогда могли издавать в Москве газету «Мир», которую я ежедневно снабжал нашими фронтовыми комментариями о войне во Франции. Однако мы ни в коем случае не могли открыто говорить о том, что было в данном случае главным побудительным мотивом немцев. Уже тогда это был тот же вопрос, который и сегодня занимает весь западный мир: каковы цели и намерения большевизма и каким способом они будут достигаться? Среди немцев, которые прибыли тогда в Москву, находились два известных журналиста – Альфонс Паке от «Франкфуртской газеты»²³ и фон Фосс, издатель «Восточного экспресса» из Берлина²⁴. Из моих бесед с ними я установил, что первый прибыл в Москву с предвзятым антибольшевистским мнением, другой – с благосклонным отношением и желанием поучиться. Через несколько недель я вынужден был убедиться, что они под впечатлением того, что здесь видели и слышали, поменялись точками зрения. Паке под воздействием идеалистической стороны коммунистической идеи стал (11) сторонником мирного сосуществования, как бы назвали его сегодня, в то время как Фосс превратился в убежденного антибольшевика. Как можно видеть, уже тогда Запад ничуть не был единомышлен в оценке этого феномена.

После того, как я пробыл несколько недель в Москве, я вынес окончательный приговор большевистскому государству, который соответствовал тому, что я в большей степени эмоционально ощущал раньше.

В определенном смысле решающее значение для этого имел принятый в начале мая закон, запрещающий любую частную торговлю и преследовавший ее по закону как спекуляцию. Товары должны были поступать к потребителям только путем распределения.

Такая безусловно утопическая реализация идеологических целей на практике, само собой разумеется, не оправдала себя и была в течение следующих лет заменена экономической политикой, известной как НЭП. Приверженцы учения Маркса о том, что ход истории зависит от устройства экономики, затеяли в то время странную игру. Однако моя неприязнь к диктатуре пролетариата постоянно возрастала, прежде всего в ходе моего общения с представителями гонимой буржуазии. Из их сообщений становилось ясно, что власти были заняты непреклонным последовательным преследованием всех, кто по рождению, образованию и наличию собственности принадлежал к классу «буржуев». Иллюстрацией этих известий была не дававшая мне спать ночная стрельба в городе.

Поначалу моя позиция вела только к тому выводу, что я старался пребывать в контакте с представителями старого режима и избегать представителей нового. Тогда меня время от времени посещал адвокат Николай Михайлович Пыльцов²⁵, который благодаря жень-бе на богатой вдове вступил во владение большим даже по понятиям русских имуществом. Однажды он пришел ко мне и посетовал, что он не может выпить ничего тонизирующего, при том, что в замурованном подвале его городского дворца хранится богатый запас превосходного вина. К сожалению, во дворце были расквартированы матросы из Кронштадта, которые прибыли в Москву для укрепления достигшей революции. Но все же мы смогли оформить датированный задним числом договор, согласно которому я купил это вино, и я должен был запросить официальное разрешение властей на его вывоз. (12) Сказано – сделано. Я поехал к Радеку, начальнику отделения центральной Европы в комиссариате иностранных дел²⁶, в его грязную маленькую частную квартиру и получил запрошенное удостоверение, после чего на его вопрос, о скольких бутылках идет речь, я заявил – от 100 до 150. Тогда пошли дальше к матросам. Начальник (комендант) с величайшим удивлением вынужден был узнать, на каких сокровищах он проживал. На основании наброска в арке ворот после удаления штукатурки была пробита дверь, которая служила входом в подвал. Нас ожидал сюрприз: там внизу лежали несколько тысяч бутылок, которые хранились в нишах подвала отсортированными по происхождению. Меня не удивило, что главарь матросов теперь отказывался выдать мне вино на основании моей бумажонки. Так как все происходило поздно – в конце дня, мы заключили сделку: запереть подвал и поставить на ночь двойную охрану, для чего я отправил для посменного дежурства обоих моих солдат.

Я был, естественно, озабочен состоянием дел, но матросы, очевидно, тоже. Так что после оглашения официального решения мы оба разошлись налегке с пустыми руками. Когда я пришел следующим утром, мой часовой сообщил мне, что матросы ночью каким-то образом смогли проникнуть с заднего хода в подвал, и большинство из них напились допьяна. Таким образом, медлить было опасно, и я очень обрадовался,

когда смог быстро прийти к разумному соглашению о разделе всего запаса. Я установил, что почти все немецкие вина были из винограда урожая знаменитых 1893 и 1904 годов, русские покупали именно наилучшее, так как пошлина взималась вне зависимости от качества по количеству. Я потребовал их, а также бордо и бургундское. Матросы были счастливы, что они могли оставить себе крымские вина, крымское шампанское и прежде всего водку. В тот же самый день они доставили мои примерно 1500 бутылок на грузовике в мой дом. Пыльцов, в свою очередь, был рад тому, что отныне каждые несколько дней он мог уносить несколько бутылок. Впрочем, он из благодарности предоставил обильный запас в мое распоряжение. Я со своей стороны, чтобы выказать мою благодарность, съездил вскоре после этого по железной дороге в удаленный примерно на 40 верст (километров) поселок Тучково, где на высоком берегу Москвы-реки у него был загородный дворец. (13) Он был еще в хорошем состоянии и свободен даже от прислуги. Управляющий вручил мне некоторое количество приобретенного Пыльцовым для повседневного употребления столового серебра. На обратном пути в Москве я в первый раз был задержан и допрошен полицией, однако был беспрепятственно освобожден после предъявления дипломатического паспорта.

В конце июня я принял решение по возможности перейти к активным антибольшевистским действиям. Я известил мое руководство в Берлине, что оставлять государственный аппарат в руках приверженцев коммунистической идеи опасно не только для Германии, но и для всей Европы, и что по возможности нужно заняться устранением этого нежелательного режима в Москве. Я вернусь к судьбе этого сообщения позже. В Берлине моя позиция не встретила возражений. Косвенным подтверждением тому стало мое новое назначение в подчинение полковнику, затем генералу Гофману, которому я также должен был сообщать с тех пор о моей деятельности.

В моем стремлении оказать помощь преследуемой буржуазии я должен отметить последовавший вскоре хороший результат: мне удалось подкупить высокопоставленного чиновника из центрального [советского] ведомства. От него я получал по твердой цене бланки проездных документов, так называемые командировки, в которых я мог проставлять имя путешественника и пункт назначения. Мои подопечные, таким образом, могли беспрепятственно доехать до пограничного города Орши, откуда заботу о них брали на себя мои коллеги в Минске. Мою тогдашнюю деятельность можно сравнить с тем, что сегодня делают русские дипломатические представительства во всем мире. Вскоре после этого я получил приказ верховного командования на Востоке явиться для доклада в Ковно²⁷ и прибыл туда согласно отметке в моем паспорте 13 августа. Я рассказал генералу Гофману о притеснении буржуазии, представители которой умоляли о вступлении немецких войск. Я указал ему на факт, что русский солдат ушел домой в деревню и пока что не го-

тов снова брать в руки винтовку, так что при вторжении не нужно ожидать серьезного сопротивления. Кроме находившейся в процессе становления государственной полиции, в Москве наличествовала только, как ни странно, латышская охрана под началом номинального главнокомандующего Вацетиса²⁸. В случае реальной опасности, как мне сообщили, его можно было бы переманить обещаниями (14) создания собственного латышского государства. Гофман со своей стороны дал мне понять, что наступление на Москву является вопросом ближайшего времени. Насколько серьезным было это его намерение, следует из того факта, что он при прощании засунул мне в карман полмиллиона царских рублей, чтобы использовать их в Москве для дальнейшей подготовки.

Надо было ковать железо, пока горячо, поэтому чуть позже я также съездил в Киев, столицу новой Украины, для доклада тамошним представителям министерства иностранных дел, среди которых был и Дирксен, хорошо мне знакомый будущий посол²⁹. Хотя я расписал яркими красками возможности политического и в первую очередь экономического сотрудничества между Германией и Россией после восстановления частнособственнического хозяйства, они не проявили большого воодушевления в отношении плана военной интервенции против Москвы.

Осенние месяцы я прожил там в ожидании наступления Гофмана. Кроме составления отчетов, моя деятельность ограничивалась тем, чтобы стремиться помогать буржуазным элементам и расширять связи с ними. Мой транспортный коридор процветал. Депутаты Думы, например Масленников³⁰, офицеры и даже представительницы женского пола отправлялись по моему пути на Запад. Частично я должен был снабжать их деньгами на проезд; у меня до сих пор сохранилась квитанция о сумме, которую получили от меня три дочери бывшего премьер-министра князя Львова³¹. Они благополучно высадились в Копенгагене у родственников. Из пестрого разнообразия личностей, с которыми я активно взаимодействовал, приведу еще несколько примеров.

Большевизм в ряду своих многочисленных побед провозгласил также уничтожение церкви. Поэтому я со всей осторожностью нанес визит митрополиту и архиепископу православной церкви Тихону³². Он показал мне, отставному улану, немецкую кавалерийскую пику, которую он приказал переделать в пастырский посох, чтобы им во время войны благословлять идущие на фронт войска. После того, как я намекнул ему на возможность вторжения немецких войск, мы договорились, что он в этом случае велит звонить в церковные колокола.

(15) Другой личностью из церковного круга был князь Александр Борисович Голицын³³, член Священного Синода – высшего церковного административного учреждения. У него был прекрасный дом поблизости от нашего посольства, и я неоднократно бывал там. Его сыну, ротмистру, удалось бежать из тюрьмы и с одним из моих проездных

удостоверений через Оршу оказаться на свободе³⁴. Во время одного из моих визитов команда ЧК, которая, скорее всего, выследила меня, решила обыскать дом. Молодая жена ротмистра находчиво смогла незаметно всунуть мне в присутствии чекистов упаковку в тысячу рублей купюрами, которые тем самым были спасены, так как я смог беспрепятственно удалиться, предъявив дипломатический паспорт. Князь несколько позже передал мне в надежные руки свой семейный архив. Он до сих пор находится у меня. Среди прочего там есть документы на владение земельными участками, включая выписки из кадастра на два очень больших имения в Средней России и на купленный из владений царя виноградник под Новороссийском на русской Ривьере, кроме того, царские указы о назначениях, из них один относится к Наполеоновской эпохе и датирован 1812 годом. После 1918 года я никогда больше не слышал об этой семье.

Через посредников я некоторое время вел переговоры об использовании моего пути эвакуации с известным генералом Брусиловым³⁵. В результате он не пошел на мое предложение. Я хотел заполучить его как ценную вывеску для предприятия Гофмана. Удивительным образом через несколько дней в мою дверь постучался даже француз. Это был г-н Юже, журналист, сотрудник издававшейся в Петрограде газеты «Журналь де Петроград», который во время войны был известен под псевдонимом Жан Д'Овернь. Хотя на Западе между нашими народами еще бушевала война, я стал часто с ним встречаться. Мы сошлись в общем понимании смертельной опасности большевизма для западной культуры. Так как у него была крайне необычная для француза навязчивая идея, что Франция должна освободиться от политической привязанности к Англии, я дал ему возможность уехать в Берлин для последующей его разработки при помощи министерства иностранных дел.

Тогда французы и англичане были, по мнению Ленина, «поджигателями войны», и с ними обращались как с врагами. Например, Брюс Локкарт³⁶, (16) который в своих книгах сообщает также и о русском периоде своей службы при английском «форин офисе», тем же самым летом 1918 года несколько месяцев сидел в московской тюрьме.

Так как 16 июля 1918 года свершилась судьба царской семьи, я хочу обратиться к этому сюжету. 15 марта 1917 года царь отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила. Сам он и его семья оставались в Царском Селе под Петроградом. Король Георг V предложил им убежище в Англии, и Керенский уже готовил их отъезд, причем Германия обещала не подвергать их опасности в этой поездке. Однако она постоянно откладывалась из-за жесткой оппозиции радикалов, вплоть до того, что 17 июля, когда все было готово, английский посол Бьюкенен со слезами на глазах в устной ноте военному министру Керенского Терещенко объявил, что его правительство отзывает свое предложение. Ллойд Джордж уступил натиску лейбористов, которые упрекали семью царя в германофильстве, – бесславная глава английской истории.

15 августа 1917 года [царская] семья была перевезена в Сибирь, где она жила год под строгой охраной в стесненных обстоятельствах. 16 июля 1918 года царь, царица, молодой царевич и три их дочери³⁷ по приговору Екатеринбургского совета были убиты. Немецкий посол граф Мирбах весной напрасно хлопотал за них в Москве.

Заслуживает упоминания еще одно разрушительное последствие свержения общественного строя: частные художественные коллекции стали почти бесхозными. Многие были бесцеремонно сожжены или уничтожены при грабежах, другое украдено или спрятано. Большая часть, однако, была распродана на черном рынке гораздо ниже реальной стоимости ворами или самими собственниками, которые нуждались в наличных деньгах на эмиграцию и взятки. Дошло до того, что, например, антиквары из ранее процветавшей в Москве фирмы не могли себе представить, что они должны делать со множеством оставшихся у них на руках ценностей. По их настоятельным просьбам я позволил им повесить несколько ценных картин в моем доме. Они так и остались там после безрадостного окончания моей деятельности и отъезда. На этот богатый художественный рынок набросился молодой немецкий спекулянт – торговец произведениями искусства, которому удалось (17) прибыть в Москву с большими денежными средствами. Я не знаю, много ли он приобрел. Трудность заключалась в вывозе антиквариата из России. Однако я слышал, что, например, в доме банкира Рябушинского однажды ночью ему для осмотра предъявили ранее замурованное произведение Рембрандта. Каждая революция в собственных интересах щадит две категории граждан – врачей и художников.

Однако театры не пострадали: Шаляпин пел в опере, шли знаменитые постановки Станиславского, балет так же, как и известное кабаре «Синяя птица»³⁸, мог демонстрировать силу своего притягательного искусства. Легкие жанры искусства по-прежнему были представлены в огромном ресторане-варьете «Яр». Разумеется, алкоголь был тогда в принципе запрещен, так что принесенное с собой там можно было пить втихаря только из кофейных чашек. Зато там выступали цыгане. Тот, кто знал старую Россию, представляет, что русские с их так называемой широкой натурой всегда умели отмечать и маленькие, и большие праздники. Их неизменными участниками становились цыгане со своими песнями, в которых переходы от озорства к меланхолии могут сделать даже трезвого человека пьяным. Так как в богатые дома их больше звать не могли, а большевистские бонзы только начали набирать силу, для меня, жившего холостяцкой жизнью, не составляло труда пригласить вечером небольшой ансамбль в свой дом, когда я давал маленький прощальный праздник с одним из моих отъезжавших эмигрантов с превосходным немецким благородным вином. Однако бедные преследуемые представляли доказательства, что *joie de vivre*³⁹ не убить в человеке даже в самые суровые времена. При исполнении кавказской застоль-

ной песни с упоминанием имени каждого из присутствующих меня называли «Вася» – сокращение от имени Василий. Мои немногочисленные гости представляли действительно пеструю смесь. Однажды привели знаменитую приму-балерину Гельцер⁴⁰, невзыскательная естественность которой произвела на меня впечатление.

В этом очерке современной истории я не могу не упомянуть, что в особенной московской атмосфере лета 1918 года сохранялись глубокие человеческие связи. Прикомандированный к посольству секретарь фон Й. познакомился благодаря мне с очаровательной русской Ольгой Адольфиной Б., молодой вдовой швейцарца, и после женился на ней в Германии. (18) Мои отношения с женским полом были сложнее. Посланник одного нейтрального государства собирался уезжать по делам, связанным с дипломатическими отношениями с новой Россией. Через одного общего знакомого российского немца он пригласил меня на маленький ужин. Во время кофе появилась красивая молодая женщина, которая не понимала по-немецки, так что он мог через некоторое время совершенно открыто спросить, не возьму ли я себе его подругу, которую он не может увезти с собой. Тогда я обещал ему, что буду по возможности помогать ей в трудных случаях, но, к сожалению, не могу взять на себя далеко идущие обязательства.

Уже лето и осень подходили к концу, а главное командование на Востоке не шевелилось, и сводки с фронта во Франции становились все безрадостнее. Я предчувствовал что-то недоброе. Однако я был поражен как громом среди ясного неба, когда 8 ноября получил зашифрованную телеграмму из Берлина с распоряжением свернуть мои дела. Через один или два дня стало известно, что в Германии произошла революция, и я тотчас получил известие о последствиях этих событий для нас в Москве. Оно пришло от моего собственно сотрудника Ракова.

С молниеносной быстротой, поскольку, очевидно, все было подготовлено заранее, в Москве был сформирован немецкий Совет рабочих и солдатских депутатов, влиятельным членом которого стал известный «красноколпачник» и брат моего Ракова. Эти свирепые парни потребовали расстрела немецких офицеров, однако до дела не дошли, в основном, скорее всего, из-за возражений со стороны русских. Однако русскими совет был признан как единственное правомочное представительство немецких интересов. Я, естественно, сразу же посетил Радека, ответственного за связь со мной в комиссариате иностранных дел, и получил от него подтверждение. Он заявил мне, что по сравнению с тем, что произошло теперь в Германии, русская революция была только бурей в стакане воды. Тем самым наши роли поменялись. Так же, как я ожидал падения московского режима, он ждал теперь победы большевизма в Германии. Мой Раков, который также стал членом и даже секретарем Совета, сообщил мне затем прямо-таки удивительные вещи. Сначала он заверил меня, что может гарантировать мне и моим людям сохранение жизни и личной собственности.

Но все, что (19) имело отношение к служебной деятельности, я должен был передать ему, в первую очередь сейф. Кроме значительной суммы денег, за которую я получил расписку, в нем содержались лишь безобидные вещи. Мы не были арестованы, однако я фактически был под домашним арестом и мог покидать дом только в крайнем случае. Он был старым коммунистом и немецким руководством партии был назначен надзирать за моим учреждением. По причине знания им русского языка – раньше он некоторое время занимал небольшую должность в банке в Петербурге – это ему удавалось без всяких трудностей. Его жена как курьер Коммунистической партии во время войны неоднократно бывала на Балканах. Он [высоко] ценил меня лично и был бы рад, если бы при новом положении дел я стал сотрудничать на его стороне. Он сообщил мне также с дружеским смешком, что мой русский шофер был вынужден доносить куда следует обо всех моих перемещениях и встречах. Этот русский участвовал в антибольшевистском путче в Ярославле, потом бежал в Москву и по хорошей рекомендации был взят мной на службу.

Известия Ракова были крайне неприятны для меня. Однако я мог считать за счастье, что мне, поскольку я никогда не выказывал ему недоверия, было позволено открыто выражать мою антибольшевистскую позицию, а также, само собой разумеется, отправлять все зашифрованные сообщения только через двух моих офицеров.

Следующие две недели прошли без каких-либо особенных происшествий. Мы находились в полном неведении относительно того, что происходило в Германии и разрешат ли нам выезд домой. Затем, однако, поступило долгожданное распоряжение готовиться к отъезду. Я лишь позже узнал, что мы должны были благодарить генерала Гофмана, так как он поставил послу Иоффе жесткое требование сначала обеспечить выезд из России немецких представительств, а затем – возвращение из Берлина в Россию советских представительств. В основном речь шла о генеральном консульстве в Москве, тем более что существовала возможность даже включить в его состав и эвакуировать некоторое количество российских немцев.

(20) Уже при отправлении на вокзале стало ясно, что бывшее уважение к Германии резко пошло на убыль. В прошлом венгерский военнопленный по имени Шилажи, с которым, как ни странно, я познакомился в 1917 году в Омске, теперь стал чекистом и в самой грубой форме руководил контролем, в частности, приказывал открыть для досмотра многие чемоданы. Его было легко узнать по чрезвычайно оттопыренным ушам, именно по ним я потом опознал его в марте 1919 года в Берлине, где он служил официантом в элитном ресторане «Маскот». Так я убедился в том, о чем мне говорили еще в Москве, – что большевики усердно готовили коммунистические войска для заграницы. Впрочем, как известно, сам Радек уже в феврале 1919 года находился в Берлине и оттуда консультировал участников организации «Спартак».

Согласно штемпелю в моем паспорте, мы уже 2 декабря 1918 года благополучно прошли немецкий паспортный контроль в Видбаллене. В Берлине на месте моей службы на Унтер-ден-Линден рядом с кафе «Виктория» я нашел только маленький остаток бывлой команды, который был занят ликвидацией учреждения.

Немецкая восточная политика в 1918 году была подвержена колебаниям и оказалась не очень удачной. Кажется спорным, так ли необходим был Брестский мир, были ли его преимущества настолько велики, чтобы компенсировать его недостатки. По-видимому, тогда усталость русских от войны была недооценена, а их наличные боевые возможности переоценены. Эти ошибочные представления привели к тому, что запланированное наступление на Москву летом 1918 года не состоялось. Тогда еще можно было бы свергнуть этот с самого начала противоестественный, пришедший к власти в условиях военного поражения и военной усталости режим. Становится очень грустно, когда думаешь о том, что политическое решение в пользу генерала Гофмана нашло позитивный отклик во многих влиятельных инстанциях. Адмирал Гинце⁴¹ и министерство иностранных дел были за него. Их сбили с этого курса те, кто поначалу испытывали большое доверие к большевикам как партнерам по мирным переговорам, например И. Криге⁴². Сам Людендорф также колебался. Он писал в своих военных мемуарах: «Мы вполне могли теми частями, которыми располагали на Востоке, нанести быстрый удар по Петербургу, а с помощью донских казаков – и по Москве. Это было бы лучше, чем длительное время безуспешно обороняться от большевизма на широком фронте. Последнее требовало больше сил и нервного напряжения, чем короткая решительная операция, которая, к тому же, укрепила бы моральный дух армии. Мы устранили бы враждебное нам по своей сути советское правительство и помогли бы установить дружественную Германии власть, которая действовала бы не против нас, а заодно с нами. Это явилось бы чрезвычайно благоприятной предпосылкой для дальнейшего успешного ведения войны»⁴³. Однако он боялся неизвестности, того, как все будет развиваться в случае нарушения Брестского мира. Если бы он мог предвидеть будущее, возможно, он действовал бы иначе.

Я очень жалею, что 8 ноября 1918 года должен был сжечь копии моих донесений из Москвы, которые имеют отношение к этому вопросу. Они вносят вклад в историю этого кризиса. Мне неизвестно, попали ли они вместе с другими документами заграничного отдела Верховного главнокомандования в имперский архив и затем в конце концов после 1945 года в руки одной из держав-победительниц. Мои запросы в имперский архив в 1930-е годы были отклонены на том основании, что с этими документами могут ознакомиться только представители законных органов власти.

Уже в январе 1919 года сразу после моего возвращения я смог убедиться в Берлине, что, несмотря на проигранную войну и бес-

порядки, министерство иностранных дел пришло к окончательному убеждению в необходимости приложить все усилия для реставрации [старого режима] в России. Я был уволен с военной службы. Однако запросил многомесячный отпуск в качестве прусского государственного служащего, чтобы дальше заниматься русскими проблемами.

Выше я уже писал, что Европа была переполнена иммигрантами из России. Они повсеместно приобретали все большее влияние на политику на Востоке, поэтому не только у нас, но и в Англии, и во Франции антибольшевизм был так силен, что можно было начать политическую кампанию против Москвы и наряду с этим подготовку военного нападения путем организации и вооружения русских белых кадров. Однако даже если в этом смысле существовало определенное взаимопонимание между Антантой и Германией, дело не дошло до единых действий, так как в обстановке взаимной ревности было неясно, как делить шкуру еще не убитого медведя.

В Берлине в феврале 1919 года эти политические и военные приготовления выглядели следующим образом: по соглашению с министерством иностранных дел было создано «западно-русское» правительство. Я принимал участие в переговорах с его представителями, на которых от министерства иностранных дел присутствовал г-н фон Блюхер⁴⁴. Припоминаю, что уже были напечатаны собственные бумажные деньги. Важным основанием процесса формирования военных сил стало объединение 1400 русских белых офицеров, (22) которые в результате жесткого отбора из двух миллионов русских военнопленных были рекомендованы для борьбы как надежные люди. Из них можно было рассчитывать на 50 тысяч человек. Сначала существовало намерение по соглашению с Антантой перебросить их в вооруженную ей армию Деникина на юге России. Однако затем политики и военачальники договорились, что по инициативе Германии будет осуществлено самостоятельное наступление через Прибалтику в направлении Динабурга. Его должны были поддержать организованный в Либаве как центре балтийский ландвер и немецкий добровольческий корпус. Тогдашний немецкий посланник в Либаве доктор Бурхард поддержал эти подготовительные мероприятия и переслал мне в Берлин с представителем ландвера господином фон Роппом⁴⁵ меморандум о тамошних планах. В общем, я был активно задействован в подготовке этой акции. Так как мой отпуск закончился, в апреле 1919 года по моему желанию я был направлен как регистратор в правительство в Кёнигсберге, так как хотел наблюдать за развитием событий. Мое собственное участие в небольшой, но важной части русской истории на этом заканчивается.

Описанная белорусская акция в Курляндии под военным руководством князя Авалова⁴⁶ закончилась довольно быстрым провалом. Примечательно, что английская корабельная артиллерия даже подвергла обстрелу с моря участников этого предприятия,

что показывает, что большая свора, которая атаковала русского медведя со всех сторон, совершенно не имела согласия между собой. Можно только вообразить, сколь много угроз и атак было направлено тогда и впоследствии против Москвы.

Кроме Авалова, в Курляндии в Эстонии (в Латвии. – *Прим. ред.*) действовал генерал Юденич, который из Нарвы угрожал Ленинграду. Финляндия с помощью графа Гольца⁴⁷ добилась свободы в борьбе против русских и также находилась прямо перед старой столицей.

В Мурманске и Архангельске стоял английский экспедиционный корпус. В Сибири против большевизма боролись чехословацкие соединения и адмирал Колчак. На юге России вступили в бой вооруженные Антантой небольшие армии Деникина и Врангеля, а на Кубани наступали донские казаки под командованием генерала Краснова, с которым через Каспийское море поддерживали связь англичане. Но (23) не было руководителя, который мог бы объединить все эти усилия и управлять ими. Все же достойно удивления, что молодое большевистское государство смогло защитить себя от всех этих атак после произошедшей в 1918 году демобилизации. В значительной степени это было заслугой Троцкого. Он прибыл из Америки в Россию в 1917 году вскоре после Ленина и стал при нем комиссаром по военным делам. С его энергией и силой убеждения ему снова удалось мобилизовать русского солдата. За это ему оплатили черной неблагодарностью. Однако большевизм, «конь бледный», как его называет сэр Самуэль Хор (лорд Темплвуд)⁴⁸ в своей книге «Четвертая печать» со ссылкой на Апокалипсис (6 : 7, 8), продемонстрировал жизнеспособность.

После моих перипетий в России долгое время я мечтал о том, чтобы однажды вновь выбрать местом жительства Москву и в форме посреднической деятельности для немецкой промышленности сотрудничать на экономической основе и содействовать решению важной задачи восстановления дружеских отношений между обоими великими соседними народами.

Я уже даже нашел для этого конторские помещения на Тверской. Это желание исходило в значительной степени из того, что я испытывал сильное расположение к простым русским людям и народному русскому характеру. Из-за железного занавеса, который отгородил Россию от Западной Европы, в этом мне было отказано. Поневоле у меня теперь есть собственный взгляд: он отвернулся от слона и обратился к киту. Я женился на англичанке для долгого счастливого брака и на досуге как убежденный приверженец парусного спорта бороздил моря. Но даже в этих странствиях я иногда мечтал о России [ВА-МА РН 3/51. Федеральный архив – военный архив. Собрание «Первая мировая война 1916/1918». Л. 1–23. Подлинник. Машинопись. Пер. с нем].

Комментарии

¹ Город в центральной Польше, с 1815 по 1915 г. губернский город в составе Российской империи, в августе 1915 г. был оккупирован австро-венгерскими войсками.

² Автор служил в звании ротмистра резерва в западнопрусском уланском полку № 1 имени российского императора Александра III. Уланка в данном случае – форменная куртка.

³ Икскуль-Гилленбанд Александрина (Üxküll-Gyllenband Alexandrine von, 1873–1963) – графиня, активистка немецкого Красного Креста, одна из немногих, кто под патронажем Международного комитета Красного Креста могли посещать немецких военнопленных в России.

⁴ Младшее офицерское звание (соответствует прапорщику).

⁵ Имеется в виду Временное правительство. Автор использует термин, появившийся только в середине 30-х годов XX в.

⁶ С 1893 г. – Двинск, современный Даугавпилс (Латвия).

⁷ Булганин Николай Александрович (1895–1975) – во время написания мемуаров министр обороны (1953–1955), председатель Совета Министров СССР (1955–1958). Носил небольшую бородку клинышком.

⁸ Брэндстрем Эдвард (Brändström Edvard, 1850–1921) – шведский военный, дипломат. Генерал-лейтенант (1914). В 1885–1891 гг. – военный атташе, в 1906–1918 гг. – посланник Швеции в России. Его дочь Эльза, родившаяся в Санкт-Петербурге (1888–1948), с началом Первой мировой войны добровольно стала сестрой милосердия при русской армии. С 1915 г. от имени шведского Красного Креста совершала неоднократные поездки по лагерям немецких и австро-венгерских военнопленных в Сибири для организации им помощи. В межвоенный период пять раз номинировалась на Нобелевскую премию мира.

⁹ Город на севере Швеции, непосредственно граничит с финским городом Торнио.

¹⁰ Мирбах-Харфф Вильгельм фон (Mirbach-Harff Wilhelm von, 1871–1918) – граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. Убит левыми эсерами 6 июня 1918 г.

¹¹ Иоффе Адольф Абрамович (1883–1927) – советский дипломат и партийный деятель. С апреля 1918 г. полпред РСФСР в Германии. 6 ноября 1918 г. был выслан за активное участие в подготовке революции.

¹² Людендорф Эрих (Ludendorff Erich, 1865–1937) – немецкий военачальник, с августа 1916 по октябрь 1918 г. состоял в должности генерал-квартирмейстера. Заместитель начальника германского генерального штаба Пауля Гинденбурга.

¹³ Гефтен Ганс фон (Haefthen Hans von, 1870–1937) – с июля 1916 г. руководитель военного отдела министерства иностранных дел (с июня 1918 г. – иностранный отдел верховного командования). В 1931–1935 гг. – президент рейхсархива в Потсдаме.

¹⁴ Келлерман Бернгард (Kellermann Bernhard, 1879–1951) – немецкий писатель и поэт левого направления.

¹⁵ Эйхгорн Герман фон (Eichhorn Hermann von, 1848–1918) – германский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал (24 декабря 1917 г.). С 26 января 1915 до 5 марта 1918 г. – командующий 10-й армией на Восточном фронте. С 31 марта 1918 г. – главнокомандующий группы армий «Киев». 30 июля 1918 г. был убит в Киеве эсером Б. М. Донским.

¹⁶ Гофман Макс (Hoffmann Max, 1869–1927) – германский генерал и дипломат. С 30 августа 1916 г. – начальник штаба Восточного фронта. Представлял германское командование на переговорах в Брест-Литовске.

¹⁷ Очевидно, фактическая ошибка. Убийство Мирбаха произошло 6 июля 1918 г.

¹⁸ Рицлер Курт (Riezler Kurt, 1882–1955) – германский дипломат и философ.

¹⁹ Шуберт Вильгельм (Schubert Wilhelm, 1879–1972) – германский военный, с марта 1941 по июль 1942 г. – руководитель экономического штаба «Ост».

- ²⁰ Хаушильд Герберт (Hauschild Herbert, 1880–1928) – германский дипломат.
- ²¹ Петерс Яков Христофорович (1886–1938) – профессиональный революционер, один из создателей и первых руководителей ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Феликса Дзержинского, врио председателя ВЧК с 7 июля по 22 августа 1918 г.
- ²² Зауэрбрух Фердинанд (Sauerbruch Ferdinand, 1875–1951) – немецкий хирург, один из основоположников грудной хирургии. С 1910 г. руководил кафедрой хирургии Цюрихского университета, с 1918 г. – одноименной кафедрой в Мюнхенском университете. В 1928–1950 гг. возглавлял кафедру хирургии в Берлинском университете.
- ²³ Паке Альфонс (Paquet Alfons, 1881–1944) – немецкий журналист и писатель, пацифист.
- ²⁴ Фосс Карл Иоганн фон (Voss Karl Johann von, 1884–1938) – немецко-балтийский журналист.
- ²⁵ Пыльцов Николай Михайлович (1876–1936) – присяжный поверенный. Его жена Любовь Герасимовна – дочь известного московского купца и мецената Г. И. Хлудова. Супруги владели построенной в 1911 г. усадьбой Любвино вблизи станции Тучково.
- ²⁶ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939) – деятель международного социал-демократического и коммунистического движения.
- ²⁷ Совр. Каунас (Литва). С 1916 г. – место пребывания германского верховного командования на Востоке.
- ²⁸ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873–1938) – латыш, советский военачальник. Один из руководителей подавления левозсеровского мятежа в Москве в июле 1918 г. С июля 1918 г. – командующий Восточным фронтом, с 1 сентября 1918 по 9 июля 1919 г. – главнокомандующий всеми Вооруженными силами РСФСР.
- ²⁹ Дирксен Герберт фон (Dirksen Herbert von, 1882–1955) – немецкий помещик, дипломат и писатель. В середине 1918 г. возглавил отдел прессы и пропаганды в посольстве Германии в Киеве. В 1928–1933 гг. – посол Германии в СССР.
- ³⁰ Масленников Александр Михайлович (1858–1950) – депутат Государственной думы III и IV созыва от Саратовской губернии. Входил во фракцию кадетов, затем прогрессистов.
- ³¹ Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – министр-председатель Временного правительства 2 (15) марта – 7 (20) июля 1917 г.
- ³² Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865–1925) – с 21 ноября (4 декабря) 1917 г. Патриарх Московский и всея России, первый после восстановления патриаршества в России.
- ³³ Голицын Александр Борисович (1855–1920) – князь, шталмейстер, помещик, в 1901–1909 гг. предводитель дворянства Владимирской губернии.
- ³⁴ Голицын Борис Александрович (1880–1947) – русский офицер и общественный деятель, депутат IV Государственной думы от Владимирской губернии.
- ³⁵ Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – русский и советский военачальник.
- ³⁶ Локхарт (правильно – Локхарт) Роберт Гамильтон Брюс (Lockhart Robert Hamilton Bruce, 1887–1970) – британский дипломат, тайный агент, журналист, писатель. С января по сентябрь 1918 г. – глава специальной британской миссии при Советском правительстве. В сентябре был арестован. В октябре 1918 г. был выслан из советской России за участие в «заговоре трех послов».
- ³⁷ Ошибка: у императора Николая II и императрицы Александры Федоровны было четыре дочери – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия.
- ³⁸ Очевидно, автор имеет в виду популярный театр миниатюр «Летучая мышь», где гвоздем репертуара был спектакль «Синяя птица» – пародия на постановку МХТ.
- ³⁹ Жизнерадостность (*фр.*).
- ⁴⁰ Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – балерина. С 1898 по 1935 г. выступала на сцене Большого театра. С 1910 г. в составе антрепризы С. П. Дягилева принимала участие в гастрольных поездках за рубеж.

⁴¹ Гинце Пауль фон (Hintze Paul von, 1864–1941) – германский государственный деятель, дипломат. С 1903 г. – морской атташе, с 1908 г. – военный уполномоченный в Петербурге. С 1911 по 1918 г. занимал пост посла последовательно в Мексике, Пекине и Христиании. С 9 июля до начала октября 1918 г. был министром иностранных дел Германии. После ноябрьской революции ушел в отставку.

⁴² Криге Иоганнес (Kriege Johannes, 1859–1937) – германский дипломат, участник переговоров в Брест-Литовске.

⁴³ *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне : Первая мировая война в записках германского полководца. 1914–1918. М. : Центрполиграф, 2007. С. 595–596.

⁴⁴ Блюхер Виперт фон (Blücher Wipert von, 1883–1963) – германский дипломат. Как и автор, член студенческой корпорации «Вандалия – Гейдельберг», участник заключения мирного договора с Советской Россией в Рапалло.

⁴⁵ Ропп Георг фон дер (Ropp Georg von der, 1893–1973) – прибалтийский немец, барон, уроженец Литвы, доброволец прибалтийского ландесвера.

⁴⁶ Бермондт-Авалов Павел Рафаилович (1877–1974) – князь, русский офицер, генерал-майор (1919), представитель прогерманского течения в белом движении в Прибалтике.

⁴⁷ Гольц Рюдигер фон дер (Goltz Rüdiger von der, 1865–1946) – граф, германский военный. В годы Первой мировой войны дослужился до должности командира так называемой «Остзейской дивизии», действовавшей в Прибалтике. Во главе германского экспедиционного корпуса участвовал в гражданской войне в Финляндии на стороне буржуазного правительства, поддерживал К. Маннергейма. Участвовал в создании прибалтийского ландесвера. 22 мая 1919 г. войска под его командованием заняли Курляндию и Ригу. После отставки фон дер Гольца эти вооруженные силы перешли под командование Бермондта-Авалова.

⁴⁸ Хор Сэмюэль (Hoare Samuel, 1880–1959) – английский разведчик, консервативный британский политик, государственный деятель 1920–1930-х гг. Глава резидентуры британской разведки в Петрограде в 1916–1917 гг.

Список литературы

Bundesarchiv – Militärarchiv. Sammlung 1. Weltkrieg – Osten 1916/1918. Reg. Rat a. D. Wilhelm Wölfing, s. Zt. Rittmeister der Außenstelle der OHL in Moskau “Moskau 1918” (Erlebnisse in Kriegsgefangenschaft und während der Tätigkeit in Moskau – Manuskript). Okt. 1955.

Burchard-Motz H. Nachruf auf Wilhelm Wölfing // *AHV der Vandalo-Guestphalia*. 1973. 5. Jan.

Terhalle M. Otto Schmidt (1888–1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenbergs : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn. 454 S.

Terhalle M. Deutschnational in Weimar : Die politische Biographie des Reichstagsabgeordneten Otto Schmidt (-Hannover) 1888–1971. Köln u. a. : Böhlau Verlag, 2009. 449 S.

References

Bundesarchiv – Militärarchiv. Sammlung 1. Weltkrieg – Osten 1916/1918. Reg. Rat a. D. Wilhelm Wölfing, s. Zt. Rittmeister der Außenstelle der OHL in Moskau “Moskau 1918” (Erlebnisse in Kriegsgefangenschaft und während der Tätigkeit in Moskau – Manuskript). Okt. 1955.

Burchard-Motz, H. (1973) Nachruf auf Wilhelm Wölfing. In *AHV der Vandalo-Guestphalia*. 5. Jan.

Terhalle, M. (2006) Otto Schmidt (1888–1971): Gegner Hitlers und Intimus Hugenbergs : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn. 454 S.

Terhalle, M. (2009) Deutschnational in Weimar : Die politische Biographie des Reichstagsabgeordneten Otto Schmidt (-Hannover) 1888–1971. Köln u. a., Böhlau Verlag. 449 S.